

Роберт Льюис Стивенсон

«Песня Рахеро» и другие баллады

в переводе Кьяры Варотари

Роберт Льюис Стивенсон
Песня Рахеро и другие баллады

«Издание книг ком»

1890

УДК 82-1
ББК 84-5

Стивенсон Р.

Песня Рахеро и другие баллады / Р. Стивенсон — «Издание книг ком», 1890

ISBN 978-5-907446-25-0

Сборник Роберта Льюиса Стивенсона «Баллады» впервые увидел свет в конце 1890 года. Он содержал пять баллад на английском языке по мотивам полинезийских и шотландских историй. Русскоговорящему читателю знакома прежде всего баллада «Вересковый эль» из этого сборника, изданная в 1941 году в переводе Самуила Яковлевича Маршака под названием «Вересковый мёд», а после даже входившая в советскую школьную программу. Удивительно, но две заглавные баллады сборника и самые большие из них, «Песня Рахеро» и «Пир голода», до сих пор не издавались на русском языке. В этой книге читатель может познакомиться с полным переводом этого сборника Стивенсона, а также почерпнуть много дополнительных сведений об историях, рассказанных в нём, от переводчика Кьяры Варотари.

УДК 82-1
ББК 84-5

ISBN 978-5-907446-25-0

© Стивенсон Р., 1890
© Издание книг ком, 1890

Содержание

Туситала и его «баллады»: о Стивенсоне	6
Часть I. Роберт Льюис Стивенсон	9
Песня Рахеро: таитянская легенда[2]	10
I. Убийство Таматеа[4]	11
II. Отмщение Таматеа	16
III. Рахеро	22
Примечания к «Песне Рахеро»	26
Пир голода: Маркизские обычаи[40]	30
I. Бдение жреца	30
II. Любовники	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Роберт Льюис Стивенсон

Песня Рахеро и другие баллады

© Воротари К., 2021

© «Издание книг ком», о-макет, 2021

* * *

Вызывает удивление, почему «Песня Рахеро» и «Пир голода», заглавные произведения сборника Роберта Льюиса Стивенсона «Баллады», до сих пор оказывались не переведёнными на русский язык. Они открывают для читателя целый пласт культуры и истории, позволяют взглянуть глазами близкого наблюдателя на неведомый для многих из нас мир Полинезии прошлого.

Надеюсь, что материал, изложенный в этом издании, будет интересен всем. Но особо рекомендую ознакомиться с ним любителям творчества Стивенсона, а также – специалистам, изучающим английскую литературу конца XIX века или этнографию и мифологию народов Океании.

Хочу выразить искреннюю благодарность Сергею Борисовичу Кизиеву, моему другу и просто замечательному человеку, за содействие в издании этой книги.

Кьяра Воротари

Семья Стивенсонов на веранде своего дома на острове Уполу, Самоа. 1892 год. На фото слева направо: Ллойд Осборн (сын Фанни), Маргарет Бэлфур (мать Льюиса), Изобель Стронг (дочь Фанни), Роберт Льюис Стивенсон, Остин Стронг (сын Изобель и Джозефа), Фанни Стивенсон (жена Льюиса), Джозеф Дуайт Стронг (муж Изобель).

Туситала и его «баллады»: о Стивенсоне

Роберт Льюис Стивенсон родился 13 ноября 1850 года в Эдинбурге, в семье Томаса Стивенсона, ведущего в Шотландии инженера маяков. Вообще, разработка и устройство маяков были династическим делом Стивенсонов: ещё его дед, Роберт Стивенсон, от которого писатель и унаследовал первое из своих имён, уже был известным в Шотландии разработчиком маяков. Все дяди и двоюродные братья Роберта Льюиса по отцовской линии тоже были инженерами маяков. Он и сам начинал учиться в Эдинбургском университете на инженера, но затем, резко сменив свой выбор, перевёлся на юридический факультет. По окончании им обучения его отец даже с гордостью повесил на свой дом ещё одну медную пластинку с надписью: «Р. Л. Стивенсон, поверенный в делах». Однако и юриспруденцией Стивенсон заниматься не стал, предпочтя ей сочинительство.

Дома писателя с самого детства звали просто Льюис. Так звали отца его матери, Льюиса Бэлфура, настоятеля церкви. Стивенсон, ещё будучи мальчиком, проводил много времени в доме своего деда по материнской линии. Льюис Бэлфур, как и его дочь Маргарет Изабелла, всегда имели слабые и болезненные лёгкие, и, вероятно, именно от матери и её отца писатель унаследовал свою хроническую болезнь.

Ещё в возрасте трёх лет переболев крупом, Льюис всю свою жизнь мучился от болезни лёгких. Врачи его времени диагностировали у него туберкулёз. Однако современные исследователи, основываясь на описаниях симптомов и хода течения обострений, сходятся к тому, что это был либо бронхоэктаз, либо даже саркоидоз. Заболевание писателя осложнялось его пристрастием к курению. Болезненный, чрезвычайно худой Стивенсон, если бы не носил усов, то и в свои сорок лет походил бы на пятнадцатилетнего мальчика.

Осознав хрупкость своей жизни ещё в детстве, Стивенсон, вероятно, решил прожить её так, как хотелось только ему, – на полную, бескомпромиссно бунтарски, занимаясь только тем, чего по-настоящему желал. Первые проявления этого случились ещё во время учёбы в университете. Он не остановился на том, что в 1871 году «предал» в глазах родни дело деда по отцовской линии. Вскоре он объявляет себя атеистом. Дошло до того, что он, крещённый как Robert Lewis Balfour Stevenson, к 23 годам официально меняет своё имя на Robert Louis Stevenson, не желая больше иметь никакой связи со священником Льюисом Бэлфуром. Правда, в домашнем кругу все продолжали его называть Льюисом, а не на французский манер – Луи, как следовало бы произносить такое новое написание.

У Стивенсона с детства проявились две его страсти. С самых ранних лет, даже когда ещё не умел читать и писать (а читать он научился достаточно поздно для людей его круга – уже после семи лет), он сочинял истории и всегда любил путешествовать, черпая вдохновение из каждой своей поездки. Первым напечатанным произведением Стивенсона стала книга «Восстание Пентленда: страница истории», изданная в 1866 году на деньги его отца тиражом 100 экземпляров. Как ни странно, Томас Стивенсон поначалу не противился сочинительству сына и даже гордился этим его талантом. Вероятно, он помнил, как в своё время его отец запрещал ему тратить время на такое творчество.

После 1873 года Стивенсон довольно часто посещал континентальную Европу. И во время одного из таких путешествий, в 1876 году, встретил Фанни – Френсис Матильду Ван де Грифт Осборн, замужнюю американку, на десять лет старше его, с двумя детьми. Когда они повстречались, Фанни уже была состоявшимся писателем рассказов для журналов. Она стала музой Льюиса, человеком, убедившим его, что он сможет прожить за счёт своего сочинительства, а позже – и его женой. С тех пор они проводили вместе большую часть времени, пока в 1878 году Фанни с детьми не вернулась в США с намерением развестись.

Узнавший о долгожданном разводе возлюбленной Стивенсон намеревался ехать к ней в Калифорнию, но отец выступил против и не дал денег на поездку. Стивенсону пришлось долгое время копить на второй класс трансатлантического парохода и самые дешёвые места на поезд через весь американский континент. Только спустя полтора года, тяжело больным, почти при смерти, он добирается наконец до Калифорнии, где влачит полунищенское существование.

В мае 1880 года Льюис и Фанни поженились, а свой медовый месяц они провели с сыном Фанни, Ллойдом, в самовольно «захваченном» ими заброшенном поселении прииска. Позже, в 1883 году, Стивенсон издаст об этом книгу «Поселенцы Сильверадо». Её содержание настолько возмутило его отца, что он скупил весь тираж.

После 1880 года семейная чета Стивенсонов несколько раз посещает Британию и снова возвращается в США, пока в 1884 году окончательно не обосновалась в Англии. Хотя здоровье Льюиса оставляло желать лучшего, именно в этот период он пишет свои самые известные произведения: «Остров сокровищ», «Загадочная история доктора Джекила и мистера Хайда», «Похищенный», «Чёрная стрела».

В 1887 году Томас Стивенсон умер, и Льюис, единственный ребёнок в семье, унаследовал всё его состояние. В Шотландии его больше ничего не держало, более того, все врачи считали, что северный влажный и холодный климат губителен для него. В 1888 году Стивенсон нанимает в Сан-Франциско яхту и со всей своей семьёй пускается в длительное путешествие по островам Тихого океана. Во время этой поездки Стивенсон останавливался на Маркизских островах, почти три месяца жил на Таити, несколько месяцев гостил на Гавайях, где был тепло принят правящим королём, был на островах Тонга, в Новой Зеландии и Австралии. Ни в США, ни в Европу он больше никогда не возвращался.

Будучи несомненно талантливым прозаиком, Стивенсон писал и стихи. К тому времени были опубликованы два его стихотворных сборника: «Детский сад стихов» («A Child's Garden of Verses») со стихами для детей и «Подлески» («Underwoods»), где существенную часть занимали произведения на его родном «лотианском» языке (то есть смеси английского с гэльским). Всего в его творчестве насчитывается около трёхсот стихотворных произведений.

Сборник «Баллады», который вышел в нью-йоркском издательстве в 1890 году, можно в большой степени считать плодом его тихоокеанского путешествия. В этот сборник вошли пять баллад Стивенсона, четыре из которых основаны на легендах, в их числе две самые длинные – это поэмы, написанные после посещения островов Тихого океана. Всегда склоняясь к историческим и приключенческим произведениям, в этом сборнике Стивенсон показал себя собирателем фольклора. Каждая из баллад основана на реально существовавших историях, а некоторые передавались много лет из уст в уста.

Широкому кругу русскоговорящих читателей знакома только одна баллада из этого сборника Стивенсона. В оригинале она называется «Вересковый эль: гэллоуэйская легенда», но многие из нас, благодаря таланту Самуила Яковлевича Маршака, с детства знают её как «Вересковый мёд». Существуют также единичные и малоизвестные переводы «Тикондероги» и «Рождества в море». Так уж сложилось, что самые монументальные произведения сборника, основанные на легендах островов Тихого океана, не были до сих пор известны нашему читателю.

Все баллады Стивенсона трагичны. Это истории войн, жертв, боли, предательств, чести и героизма. Глубина проникновения писателя в рассказываемые события поражает. Вы как будто смотрите на происходящее своими глазами, переживаете утраты и скорбь отдельных личностей и целых народов. Судьбы людей, их быт и душевные переживания, изложенные Стивенсоном, никого не оставят равнодушными. Автор углубляется в самые мелкие детали повествования – от описания природы и климата до тонкостей общественного устройства. Впрочем, я на этом останавлиюсь и оставляю читателю возможность испытать собственные ощущения от «Баллад».

В 1890 году Стивенсон решил окончательно поселиться на Самоа и купил там дом с большим участком земли, где прожил всего четыре года. Но за это время он сумел настолько

заручиться доверием островитян, снискать такой авторитет среди самоанцев, что они стали считать его за своего. Он получил от местных имя Туситала, что можно перевести как «рассказчик историй». Возмущённый действиями развитых держав, делящих Самоа и не считающихся с интересами коренного населения, Стивенсон начинает заниматься политикой, фактически став советником верховного вождя Самоа. Он писал, обобщая свой небольшой опыт политической жизни: «У меня были предубеждения насчёт сантехников, но по сравнению с политиками сантехники просто сияют чистотой».

Долго продлиться его островной жизни было не суждено. В 1894 году Стивенсон перенёс инсульт и скоропостижно скончался вскоре после своего 44-летия. Его мать пережила его почти на три года. Он похоронен на горе, в своём поместье, на острове Уполу (главном острове Самоа), откуда открывается вид на бескрайнее море. Теперь в его поместье, как и почти везде, где он когда-либо жил или останавливался, находится его музей. Как он и хотел, на его могиле написана эпитафия его собственного сочинения¹, переведённая мною так:

Под широким звёздным небом
Вырыли б могилу мне бы.
Рад был жить и рад, что в небыль
Я ложусь с такой мольбою,
Чтоб на камне стих набился:
*«Здесь лежит, куда стремился;
Дома моряк, из морей воротился,
Дома охотник, простился с горою».*

Кьяра Варотари

¹ Стихотворение «Реквием» из сборника «Подлески».

Часть I. Роберт Льюис Стивенсон

Баллады

Песня Рахеро: таитянская легенда²

ПОСВЯЩАЕЯСЯ ОРИ-А-ОРИ

*Ори, мой брат островной,
В каждом звуке и значении тебя тут много, друг
мой,
Эта история твоих страны и племени,
В твоём любимом доме твоим почётным гостем,
мною,
На языке английском сложена. Владей теперь
такой,
А подпишусь я данным тобой именем.*

ТЕРИ-И-ТЕРА³

² Здесь и далее в «Балладах» Стивенсона в сносках приводятся примечания переводчика. «THE SONG OF RAHÉRO: A LEGEND OF TAHITI». Написана в 1888 году. Издана впервые в 1890 году в сборнике «Баллады». Популярностью у переводчиков на русский не пользовалась, по крайней мере, мне не удалось найти другой перевод этого произведения. Хотя автор назвал своё произведение «Песня Рахеро», вероятней всего, это должно восприниматься как «Песня о Рахеро», потому что собственно пение этого героя в легенде не несёт сколько-нибудь существенной роли в повествовании, а песня здесь – именно тот способ, которым таитяне, не обладавшие до появления европейцев письменностью, сохраняли память о своей истории.

³ Стивенсон во время своего путешествия по островам Тихого океана останавливался на Таити в 1888 году. Пытаясь оправиться от усилившейся болезни, он со своей семьёй прожил около двух месяцев в местечке Таутира (в одном из немногих мест на острове с бухтой, способной принимать и укрывать крупные корабли), в доме местного вождя Ори-а-Ори. Между хозяином и гостем установились очень дружеские отношения. В знак своей близости они даже символически обменялись именами: Льюис стал называться Тери-и-Тера (одно из имён этого вождя), а Ори-а-Ори получил от Стивенсона имя Руи (то есть «Луи» на таитянский манер). Именно в этот период Стивенсон услышал эту легенду и написал свою балладу по её мотивам.

I. Убийство Таматеа⁴

Однажды в далёкие дни, как люди Тайарапу⁵ скажут,
Пошёл паренёк за рыбой, и вроде, удачно даже.
Имя ему Таматеа: доверчив и добр при том,
Милый на вид и шустрый, но недалёк умом.
Во всём мать свою он слушал, что за жену была:
Умом была и глазами, жизнь свою им жила.

Вернулся один он с моря, с рыбалки пришёл к берегам,
Лодку на пляж он вывел, и мать ждала его там.
«Будь ты здоров! – сказала. – Вовремя ты пришёл.
Выбери рыбу лучшую на королевский стол.
Страх ведь лютует у трона, и хоть вся страна нищает,
Вялость ног и рук скупость быстро там подмечают,
И учтены все налоги, и высчитан каждый час,
И горе тем, кто промедлит, тем более – кто недодаст!»

Так мать ему сказала, мудрой та мысль была.
Ведь баламутил тайно Рахеро под короля.
Никто и не ждал сигнала, что уж народ бродит,
И подчиняться не хочет, и на налог скупит.
И когда к храму Оро⁶ чёлн последний летел,
И жрец, открыв корзину, жертвы лик оглядел, –
Его от зловещей картины дрогнул взгляд не зря:
Мёртв в этот раз был айто, из дома что короля. <1>⁷

Так Таматеа матери на берегу внимал,
Он быстро сплёл корзину, рыбу из лодки взял
И в один миг послушно на плечи всё водрузил,
И зашагал он с песней, – хватало на всё ему сил.
Весь путь он шёл вдоль моря, волнами что ревели,
В месте, где риф был сломлен, пассат⁸ умножал то дело.

⁴ Таматеа – таитянский имя. Правильно произносится с ударением на первый и предпоследний слог. В анимационном фильме про полинезийцев «Моана» краба-клептомана звали похоже – Томатоа, в комментарии к фильму говорится, что с языка маори «Томатоа» переводится как «трофей», «добыча».

⁵ Тайарапу – Стивенсон указывает, что правильное ударение на вторую «а». Таити – остров, состоящий из двух «сросшихся» потухших вулканов, то есть, по-сути, это два гористых острова, соединённых относительно узким перешейком. Северо-западный, больший из них, называют Таити-Нуи (то есть «Большой Таити»), а меньший, юго-восточный, называют Таити-Ити (или «Малый Таити»). Таити-Ити также имеет более древнее название – Тайарапу.

⁶ Оро – бог войны, самый сильный и могущественный бог в таитянском политеизме. Большинство языческих храмов (до их разрушения в 1820-х годах, после объединения острова под единым королём Помаре Первым в 1788-м и принятия его сыном Помаре Вторым христианства в 1812-м) принадлежали этому божеству. Именно ему приносились жертвы, чьими костями и черепами украшались храмы Оро.

⁷ Здесь и далее в треугольных скобках даны отсылки к оригинальным примечаниям автора, которые можно найти после каждой из первых четырёх баллад, как это было и в первом издании сборника.

⁸ Пассат – от испанского «viento de pasada», то есть «ветер (попутный) для передвижения» – тропический ветер, дующий круглый год от тропика к экватору. Образуется благодаря устойчивым термическим циркуляциям в тропических широтах. Силы Кориолиса придают его направлению западный перенос, таким образом, в Северном полушарии пассат дует с северо-

Слева⁹, как в дыме битвы, твердою восстали валы:
Вершинами гор поднялись, остров подняв внутри.
У деревень и мысов, у рек, у гор и долин –
У всех было имя живших, кто помним был и любим,
И неспроста те названия в песнях народ восхваляет,
Песни хоть древних дней, никто их не забывает:
Юных средь лунной ночи учат им старики,
Девушки все и парни поют их, надев венки.
И Таматеа неспешно и беззаботно шагал,
Он свиристел хриплой флейтой и птицею напевал,
Жарился он на солнце, отдыхал у деревьев в тени,
Переходил вброд реки, порою выше коленей,
В его пустом сознании лишь тысячей толпились
Былых храбрецов деянья, в песнях что доносились.

И подошёл он к месту (в Тайарапу лучше всех)¹⁰,
Где тихой долины роща выходит на шумный берег,
Выплёскивая там реку. Пай тут был увлечён. <2>
Здесь, в своём буйном детстве родными на смерть обречён,
Зверем жил Хоно-ура, волосы в грязь скатав,
Только дождём омытый, пламя во тьме не зная,
Мощными руками своими он деревья склонял
И, утоливши голод, без плода стволы отпускал.
Здесь тенью туч ходила, невзгоды тем предвещая,
Ахупу, дева из песни, вершины гор посещая.
Одним из них был Рахеро, – богам подобного рода,¹¹
Наследовал хитрый ум он и красоту породы.
В юности был он айто и по земле ходил,
Словом дев убажывая, мужчин он рукой разил.
И знаменит он тем был, пока, отойдя от дел,
Не перестал сражаться и песнь свою не спел.

*Мой дом, что по-над морем (из жизни той былой),
Любимый праотцами и так любимый мной!
Глубокое ущелье Пая и Хоно-уры сильного долина,
Опять пассаа слышен крик в лесах, что на вершинах.*

восточного направления, а в Южном (где и расположен Таити) – с юго-востока. Над океанами направления этих ветров остаются практически неизменными. Именно поэтому Стивенсон называет Тайарапу «наветренным полуостровом» в своих примечаниях.

⁹ Поскольку горы остаются у Таматеа слева, значит, он шёл по побережью Тайарапу ко дворцу «против часовой стрелки», если смотреть на остров сверху.

¹⁰ Стивенсон говорит о Таутуре (долине реки Вайтапиха), поскольку и Пай, и Хоно-ура были родом оттуда.

¹¹ «Богам подобного рода» – здесь у Стивенсона прослеживается попытка отразить сословную структуру таитянских племён. Представители сословия элиты (этакие «бояре») назывались «ариш» (arī'i). Считалось, что все из сословия ариш обладали волшебной божественной силой и были прямыми наследниками богов. Во главе каждого племени стоял вождь, по-таитянски – «ариш-раху» (arī'i rahi), то есть «правлящий ариш», он неизменно был выходцем из элиты. Формально, это была выборная должность, но (как это бывает и в современности) со временем монархия в племенах превращалась в фактически наследственную, потому что если народ не требовал иного, то власть переходила от отца к старшему сыну автоматически, причём – в момент его рождения. Поэтому большую часть времени реальные вожди числились лишь регентами при малолетних формальных.

*Мой дом, в твоих стенах звучат всего сильнее
И море, и земля, что мне всего милей.
Я слышал много звуков – восторгов и смертей,
Но мне родней пассаты среди твоих ветвей.*

Слова он пел такие, но думал совсем о другом,
Желание славы билось в горячем сердце том.
Он был ленивым и хитрым, любил лежать загорать,
Не прочь был повеселиться и просто так поболтать.
Он был ленив настолько, что худ был и стол, и дом,
Ни рыбу не ловит в море, ни сходит в лес за плодом.
Сидел и смеялся дома, но власть короля не чтив,
Он разносил все слухи, рукою свой рот прикрыв,
Измену тем источая. Он ждал, когда день придёт –
День собрания народа, когда барабан забьёт,
Когда будет голосование и все короля сместят,
Смешливого и ленивого Рахеро на трон пригласят.

Пришёл тут Таматеа и дом у ручья узрел,
А у него Рахеро копал печь и есть хотел. <3>
Был он в одной повязке, в татуировки одет,
На мощной его спине играл пальмы тенью свет.
Быстро глаза он поднял на подходящий шаг,
И рот слюной залился, мозг о еде воззвав,
Заметил: несут корзину, прикрытой от солнца и мух, <4>
Ведь хоть разводил он печку, от мяса в доме – лишь дух.

И вышел он навстречу, и парня рукой придержал,
И, восхваляя древних, так он ему сказал:
«В Тайарапу все наши предки, что весь народ создали,
Свободно себя едою в час любой ублажали,
Вкушали они на ходу и в лодке когда у весла,
Вставали порой закусить, хоть уже ночь пришла.
Неплохо б тебе, молодцу, заветам внять отцов.
Ты вовремя так пришёл! Огонь мой уже готов». –
«Вижу я твой огонь, но мяса вот нет на нём», –
Ответил ему Таматеа. «Да ну! Тут всё путём:
И море здесь, и ручей – все живностью полнятся,
И рыбыны в них огромные, как свиньи, там роятся,
И раки в речке рядом идут по дну толпой». –
«Всё это может быть, но только не со мной.
Я б с радостью поел. Увы! Нужда зовёт:
Я рыбы дань несусь, король её уж ждёт».

Во взгляде у Рахеро тут вдруг огонь завис.
«Вот мой обед, – подумал он, – а королю сюрприз».
И, обняв молодца рукой, с тропы его забрал,
Смеялся, и шутил, и льстил, и в бок того толкал:
«Поёшь, как птичка ты, мой друг, так в жизни не спою,

Но не боялись короля так в молодость мою,
Что тебе час, коль сердцем ты перед собою честен?
Иди в мой дом, там посиди, посмейся среди женщин,
А я, нам сделать чтоб обед, заброшу свой крючок».

Послушный Таматеа груз в тенёк повесил, на сучок
На дереве, сойдя с тропы. Рахеро очень весел был,
Смеясь, как будто птицелов, который птицу приманил.
И выбрал он себе крючок, его прилежно осмотрев, <5>
И, подышав, полировал, о кожу ног своих терев,
Циновку выдал простачку, сказав, чтоб парень не скучал,
Пока гостеприимный он рыбалкой быстрой промышлял.
И, выйдя вон, Рахеро встал, всего себя в слух превратил,
Внутри услышал женский смех, когда простак шутил.
Тайком он подошёл в тенёк, там, с рыбой где висела
Корзина в манговых ветвях. Свршая подло дело,
Корзину ловко приоткрыл и рыбью мякоть взял,
Ту, что достойна короля и вождь бы пожелал.
Её он завернул в листы, и на угли поставил,
И, мякоть прикопав, взамен объедки предоставил,
Прилежно всё запаковав в корзину, говорит:
«Закусочка тебе, король, надеюсь, что стошнит. –
Корзину он вернул на сук, чем вызвал мух экстаз. –
Вот тебе соус к ужину, король лукавых глаз!»

Как только печь открылась, понёсся рыбный дух.
В тени дома Рахеро все сели за еду,
И тихо листья чистили, шутили и смеялись, <6>
И поднимались чаши, и залпом выпивались,
Но больше ели в тишине. И, есть закончив враз,
Рахеро будто вспомнил, по солнцу смерив час,
Сказал он: «Таматеа, пора бежать, мой друг».

И Таматеа тут же встал, во всем послушной слуг,
Корзину взяв на плечи, с хозяином простившись,
Вдоль шума волн он зашагал, в дальнейший путь пустившись.
И долго так ещё пройдя, увидел рай зелёный,
И стебли пальм, и тени, и крыш строений склоны.
И там, меж ними, во дворце, король сидел высок,
Вокруг с оружием айто и йоттовы у ног. <7>
Но страх червём был в сердце, и страх – в его глазах,
Измену в лицах он искал и ложь искал в речах.
К нему явился Таматеа, в руках он дар держал
И, воздавая почести, стоял он, как вассал.
И молча слушал всё король, с закрытыми глазами,
Гнуснейшей мыслью был объят и страхов образами,
И молча принял этот дар, и отослал дарителя.
И Таматеа пошагал назад, к своей обители.

Король сидел задумчивый, но слух прошёлся вдруг,
Шептались тихо йоттовы, а чернь болтала вслух,
Всех хохот просто разбирал от наглости такой:
Объедки королю дарить – в лицо, перед толпой.
Король лицом краснел, белел от гнева и стыда,
То в его сердце пламень был, а то текла вода,
Он повернулся вдруг назад и айто крепко сжал,
Из караула молодца, что с омаре стоял,<8>
Команду в ухо произнёс и имя указал,
Тем свой бессильный гнев и страх, казалось, разогнал.

А Таматеа-дурачок был к дому на пути,
В лицо ему вставала ночь, день гаснул позади.
Рахеро видел, как он шёл, и радость в нём была,
Желал он королю позор, но не парнишке зла.
И тот, кто по пути встречал, приветствие дарил,
Ведь он был дружествен лицом и так же говорил.
Он рад был снова видеть люд и рад, что сделал дело,
Он уже к дому подходил, почти уж солнце село.
В Тайарапу купанья час настал. И все кругом,
Приятно, весело смеясь, купались перед сном.
Спускалась на долину ночь. А солнце на горах
Застыло, кажется, пока, сражаясь в облаках,
Едва сияло в высоте. И листья изумрудами
У пальм, и тени их стволов на всю длину разнузданны.
Тень Таматеа головы зашла уже домой¹².

Как вдруг он шелест бега ног услышал за спиной.
Он, повернувшись, увидал: вот воин на тропе
При поясе, вооружён, бежит за ним, вспотев.
Прыжок, и он уж рядом с ним, и, слова не сказав,
Свой омаре он в ход пустил, жизнь пареньку прервав.

¹² Судя по описанию заката, светящего Таматеа в спину, по мере того, как он приближается к дому, и в каком направлении по отношению к полуострову должен идти, единственным местом, где мог располагаться дом Таматеа на Тайарапу было его северное побережье. Это и логично, поскольку именно там, в Таутуре, гостил Стивенсон, таким образом, конкретно закаты тех мест он и описывал.

II. Отмщение Таматеа

Предательство Рахеро уж вскоре позабыто,
Король сидел на месте, простак лежал убитый.

Но Таматеа мать в глазах хранила смерти блики.
И несколько ночей не спал Тайарапу под крики.
И вот, когда дитя в лесу стал холодом сомненья,
Она не знала дом, друзей, лишь лес ей окруженьем,
Звенели горы звуком горя, что из груди стенала:
Рвала впустую воздух ртом, как лев, она кричала,
Пронзая слушающих слух и раня их сердца.
Но, как погода в море может меняться без конца,
Внезапно ураган забрав обратно в небеса,
И бросит в штиль стоять корабль, повесив паруса,
Дыханье ветра прекратив, как свет от лампы, вмиг,
И приближая этим всем беззвучный смерти крик,
Так вдруг, стенанья прекратив, она тихонько встала,
Покинув свой печальный дом, спокойствие сыскала,
Смерть унеся в своей груди, точка её рукой.

Она прошла все берега земли немалой той.
И, говорят, она без страха спала во тьме ночами
В местах ужасных, лишь смотря открытыми глазами
На ленты света, что от храма к храму всё несутся, <9>
Ни моря в лодке не страшась, ни горных троп, что выются.
Из края в край по острову, не меряя преграды,
От короля до короля несла рассказ утраты.
И королю за королём престолы посещала,
Припоминая всё родство, что в песнях называла,
Все имена своих отцов. И, сердце усмирив,
Шутила, чтоб поймать их слух, смеялась шуткам их:
И так сначала завлекая, вдруг тема изменялась:
И все люди из Вайау¹³ той смертью проклинались.
И соблазняла королей богатством тех земель,
И льстила: «Если не у вас, чья ж армия мощней?»
И, ещё раз сменив настрой, вновь песню заводила,
Взывая барабанов бой и павших воинов силу,
Взывая птиц из облаков закончить пир земли.
Внимали молча короли и головой трясли:
Ведь знали, что в Тайарапу сильны в боях лихих,
Как и в пирах, – и Вайау не менее других.

¹³ Вайау – с таитянского «река (вода) для купания» – название одного из племён Тева, и одно из «морских» или «внешних» Тева-и-тай. Судя по Стивенсону, это как раз и было название племени, обитавшего на северном побережье Тайарапу. При этом мы сейчас знаем, что Вайау проживали на противоположной от Таутиры – южной стороне полуострова.

Она пришла в Паза¹⁴, к Намуну-ура племени, <10>
 К врагам заклтым Тева¹⁵, не терпящим их имени.
 Её король Хиопа тепло там принимал: <11>
 И выслушал, и взвесил, и мудро размышлял:
 «Мы здесь, прикрыты островом, жильё своё ведём,
 И ветер нас не мучает, волна нам нипочём.
 Но там, в земле Тайарапу, расклад другой идёт,
 Пассат их бьёт, не жалуя, и море там ревёт,
 Ветра уносят песни волн аж до вершины гор,
 Где зелены леса стоят. Народ, как на подбор,
 Там крепок, твёрд и закалён, силен в боях лихих,
 Как и в пирах, – и Вайау не менее других.
 Теперь послушай, дочь моя, ты мудрости отца:
 В любой есть силе слабости, – два глаза у лица.
 Сильны своими омаре, копье кидают метко,
 Но глупые и жадные, как свиньи или детки.
 Мы здесь, в Паза, высеем достойные сады:
 Бананы, каву¹⁶, таро¹⁷ – священные плоды,
 Объявим мы свиней тапу, рыбалку – год закроем, <12>
 Так мы запасы всей еды в Паза здесь устроим.
 И славу о богатстве нашем остров разнесёт,
 Туда, куда мы захотим, слух языком дойдёт.
 И свиньи из Тайарапу поднимут свою пасть,
 А мы устроим им силос и станем тихо ждать
 Пока унюхают еду прожорливые свиньи.
 А между тем построим дом из твёрдой древесины¹⁸
 Да негорючих ремешков, чтоб крышу прикрутить,
 Такой рукам не повредить, огню не поглотить.
 И, когда свиньи прибегут, начнётся пир у нас,
 И в том пиру они помрут, не встретив утра час.
 Вот так поступим. Сердцем я скорблю вместе с тобой,

¹⁴ Паза – поселение на западном побережье Таити-Нуи. Центр современной одноимённой префектуры Таити.

¹⁵ Тева – самое крупное объединение племён на Таити того времени. Руководилось верховным вождём Тева. Состояло из восьми обособленных племён – каждое с собственными землями, народом, вождём и элитами. Вся территория Тайарапу и южная часть Таити-Нуи, прилегавшая к ней, контролировалась племенами Тева. Четыре племени Тева, жившие на Таити-Нуи и близкие к ним с Тайарапу, назывались Тева-и-Ута (Teva i Uta) или «Внутренние Тева», а более далёкие четыре назывались Тева-и-Тай (Teva i Tai) или «Тева Моря». Племена Тева доминировали в жизни острова до прихода туда европейцев. Вероятно, именно поэтому люди племени Намуну-ура в легенде ненавидят их, так как постоянно находятся в страхе от набегов со стороны этого своего южного и гораздо более сильного в военном отношении соседа.

¹⁶ Кава – на самом деле, по-таитянски звучит «ава» – здесь растение *Piper methysticum*, из корней которого полинезийцы готовят горький опьяняющий напиток одноимённого названия. Этот напиток вызывает расслабляющий и усыпляющий эффект. Раньше он готовился и употреблялся жителями островов Тихого океана исключительно в ритуальных целях, в основном для общения с духами предков. В некоторых полинезийских культурах употребление было разрешено только мужчинам или даже только определённым сословиям.

¹⁷ Таро – здесь многолетнее растение *Colocasia esculenta*, корни (клубни) и листья которого употребляют в пищу. Клубни таро в сыром виде практически несъедобны, поскольку вызывают сильное жжение слизистой рта, их употребляют в варёном или жареном виде. Молодые побеги таро используют в пищу подобно спарже, а листья используют для заворачивания различных начинок, подобно тому, как виноградные листья используют для приготовления долма.

¹⁸ «Из твёрдой древесины» – в оригинале Стивенсон упоминает название дерева: *Trotéa*. Вероятно, имеются в виду всё-таки *Protea* – деревья и кустарники, которые являются одними из представителей так называемых «железных деревьев», произрастающих в Океании.

Не жить Натева¹⁹ с Намуну, как огню – с водой».

И сделали, как он сказал, сады там зацвели,
И вести понеслись кругом и к Вайау пришли.
Намуну-ура люди поплыли в даль ветров,
Где Тева города стоят вдоль южных берегов,
Бросая за борт всю еду, и вот – прибой помог,
Принёс богатства к Тева он, лежат они у ног.
В морской воде весь урожай лежит, омыт волной,
И дети с ним играют, едят, несут домой.
И старшие, уставившись, судачили, шутили,
И кто бы к ним ни приходил, опрошены все были.
И так мало-помалу молва кругом идёт:
«В Паэа прямо на земле еда везде гниёт,
Свиней там много, будто крыс, – их невозможно счесть.
Намуну-ура пареньки, пред тем как в лодку сесть,
Прямо с земли, из-под ветвей, по самые борта
Каное грузят фруктами. Весь день команда та
Ест непрерывно: рулевой, гребцы, не зная горя.
А как заполнят животы, остатки сбросят в море!»
Слова все мудрые сбылись, и лишь наживку дали,
Как свинки из Тайарапу все мордочки подняли.
И пелись песни про родство, и сказки вспоминались
Все про жестокость войн, и как лишь миром достигались
Союзы кланов острова. «Конец войне, – сказали, –
К Намуну-ура поспешим, теперь друзья мы стали».
Так порешив, назначен день. Лишь поредела тьма,
Столкнув каное в море, оставили дома.
Дул сильный южный ветер, он клан весь собирал.
Над длинной рифа полосой шумел прибой вал.
И тучи навалились над островом горою:
Горою над горами. И плыл весь флот каное
Лазурною лагуной. Команды без забот²⁰
На водных тех просторах вдыхали от щедрот,
И солнце их бодрило, везде, со всех сторон,
Валы бились о рифы, гася суровость волн.
Так люди из Вайау приятно плыли день,
Минуя пальмы мыса, заливы деревень,
Где все селенья Тева. И, рядом проплывая,
От лодки к лодке нёсся смех, и песни напевали.
И весь народ на берегу собрался посмотреть:
Кому-то видно всё с земли, другим – на ветки лезть,

¹⁹ Натева – автор здесь и в своём примечании <10> пишет Nateva вместе, хотя по-таитянски это два слова: «na Teva», что можно перевести как «все Тева». Вероятно, и название племени Намуну-ура из <10> можно воспринимать как «na Muni-uga», то есть что-то вроде: «все из Муну-красивого».

²⁰ Лагуна – акватория внутри кораллового рифа (в данном случае – между рифом и островом). Защищена от волн океана рифом, который либо выступает над уровнем моря, либо существенно уменьшает глубину и потому не пропускает волны через себя. Волны постепенно разбивают риф и намывают за ним обширные отмели из кораллового песка, на фоне которого морская вода выглядит лазурной. Именно поэтому команды лодок Вайау не особо напрягаются, – внутри лагуны им не приходится бороться с волнами, и лодки легко идут по гладкой воде.

Чтоб прокричать и помахать, – другого не могли:
Деревни, к ветру накреньясь, скрывали вид вдали
Как птица, мимо что летит. Где мимо проплывали,
Как птицы, что несётся, крик, брег песней обдавали,
Желанным смехом юных дев, детей, что восторгались.
И наблюдатели им вслед смотрели, улыбаясь.

Селенья Тева позади, лишь Папара²¹ осталась,
Где дом вождя, где сборный пункт, война где начиналась,
Откуда маршем воины шли по землям по чужим.
А дальше из-под пальм теней вверх поднимался дым,
Клубясь, струясь и умерев, где уж закат пылал.
«Паэа!» – тут раздался крик. И плаванью финал.

Хиопа к берегу пришёл, уж ночь вела отсчёт,
Он визитёров насчитал примерно восемьсот:
Детишек кратконогих, что бегали меж древ,
Мальчишек безбородых и малогрудых дев,
И женщин коренастых – их верных матерей,
Отцов невозмутимых, что впереди семей,
А парни и молодки в кольце гурьбой стоят,
Чураются семейных, на короля глядят,
Пытаясь быть взрослее, но жесты их и взгляды
Нежны, как поцелуи, смеются, шуткам рады.
И там же патриарх, весь в седине, стоял
И немощной рукой свой бюст приобнимал.
Счастливые супруги, их выводок невинный –
Любимые дитя, – то жизни ход старинный.
Хиопа видел их, людей всех возрастов,
И чуть заколебался.

Но то был клан врагов.
И, жалость погасив, он мил был с королём,
С Рахеро и с другими достойными при нём,
Всем, кто имел свой вес, он слово находил,
Со всеми благородными о прошлом говорил.
«То правда, – он сказал, – у нас еда гниёт.
Но много вас, друзья, и пир большой грядёт,
Мы стали уж свиней ловить и забивать,
И фрукты приносить, и каву растирать.
Сегодня ляжем спать, чтоб завтра поутру
Все вы, король и жрец, сидели на пиру».
Хиопы молодцы всю ночь без сна трудились.
Со всех сторон свиней всё визги доносились,
И гостевых домов пол чисто устлан был,
И сборщикам плодов луною свет светил,

²¹ Папара (Pápara) – столица всех Тева вообще, и Тева-и-ута в частности, резиденция их верховного вождя. Расположена на юго-западном побережье Таити-Нуи. Центр современной одноимённой префектуры Таити.

Тела их разукрасив тенями от ветвей,
И красный свет пылал от множества печей.
Так семеро из йоттовых трудились до утра,
Работа же восьмого невидима была.
Его отряд в лесу дрова, сгребая в кучи,
В вязанки собирал посуше да получше,
Те, что как порох вспыхнут, чтоб пламя занялось.

И вот настал день праздника. Как утро началось,
Леса заколыхались, вершины затряся,
Кокосовых орехов дождь будто пролился:
Восславя утро пира, пожара ветер шёл.
И вёл на пир Хиопа гостей всех в общий холл.
Всех возрастов толпою торжественно шагав,
В венках все улыбались, беды не предсказав.
На каждых трёх по свинке зажарили в земле
И навалили каждому закуски в стороне,
И фэй²², жареных в костре и свежих, – пополам,
Для каждого в достатке, как сена лошадям
Запасено в конюшне, и рыбы – объеденье, <13>
И соусов корытца, и хлебных древ печенье²³,
И кавы полны чаны. Хоть раньше пир бывал,
Но изобилий здешних Вайау люд не знал.

Весь день они так ели запасы той еды,
Свиней сменяя рыбой, а рыбу – на плоды,
И осушали соус, и каву пили всласть,
Пока сон отупенья не стал на месте класть.
Сон сильный, как убийство, слепой, как ночь без звёзд,
Связав, их обездвигил, их души вдаль унёс.
Бесчувственны все вместе лежали стар и мал:
Боец с рукой смертельной, хвастун, что лишь болтал,
И женщина замужняя, привыкшая рожать,
И девочка невинная легли устало спать.

Хиопа встал, покинул холл, вождей своих забрав,
Катилось солнце уже вниз, вершины освещав,
Но ветер всё упрямо дул, не меньше, чем с утра,
Орехи сыпались в тени, и, словно флаг порвав,
Ветер разбил все облака в вершинах островных.
И по сигналу, молча, вмиг толпа людей других
Готовить стала быстро смерть, снуя и там, и тут,
Вязанки дров кладя вдоль стен, как муравьи бегут,

²² Фэй – растение *Musa troglodytarum* – красные бананы Океании. Спелые употребляются в пищу как фрукты – в натуральном виде, недоспелые подвергаются жарке и в готовом виде похожи на жареный картофель. Красноватый цвет им придаёт обилие каротина.

²³ Хлебное дерево – дерево *Artocarpus altilis* семейства тутовых, важный источник пропитания на островах Тихого океана. Созревшие плоды хлебного дерева едят сырыми, пекут, жарят, сушат и, растирая в муку, используют для приготовления лепёшек. Недозрелые плоды используют в качестве овощей, перезрелые – в качестве фруктов.

И возвели их высоко у стен со всех сторон.
Внутри царила тишина, у всех был крепок сон.
Стояла Таматеа мать с Хиопой рядом вместе,
Трясаясь от радости и страха, как девочка-невеста.
А между тем спустилась ночь, тогда Хиопа сам
Пошёл проверить в холле всё, вверя своим глазам.
До крыши хворост сложен был, дровами дверь полна,
И восемьсот упитых тел храпело в неге сна.
Тогда отослан айто был, и он огня принёс.
«Внутри судьба целой страны, – Хиопа произнёс. –
Смотри! Я уголь раздуваю, сдувая весь восток,
И оголяю лес и берег, и пира голосок
Заглохнет здесь, в дыму костра, как крыша упадёт
На дом пустой, и пепел стен лишь ветер разнесёт».

И так в дрова он положил тот уголь раскалённый,
И побежала краснота в завал им возведённый,
И повалил обильно дым. Как та вода: сочится,
Потом пробьётся струйками и станет серебриться,
И вдруг всю дамбу, разорвав, теченьем унесёт.
Вот так, в мгновенье ока, ввысь тут пламя как скакнёт
В ночи, от ветра всё гудя, деревьев выше всех,
Окрестность моря осветя и местный его берег.

И Таматеа мать, крича, вверх руки вознесла:
«О, сына моего костёр, вот месть богов пришла,
Так долго я ждала её, но всё же увидала,
Теперь тоска всех дней моих, агония, пропала.
Желанье мести утолив, довольна я вполне,
Убийцы сына моего зажарятся в огне.
Десятикратно ценна месть, коль её долго ждать!
Прервали песню вы певцу? – Теперь вам услышать
Сожженье песню! Мне, вдове, век доживать одной? –
Узрите, расы вашей плоть горит передо мной,
Все мучаетесь вместе: мужчины и ребята,
Все будете погребены, разнесены пассатом,
Дым вашего костра затмит звезду ночей».

Кричала так она, возвысаясь средь людей.

III. Рахеро

Рахеро спал в том холле, подле него: жена,
Весёлая и милая, жила всегда сполна,
Их девочка-невеста, вся скромная, как мышка,
И главная надежда – мальчишка-шалунишка.
Спокойно, безмятежно так спал он среди них,
Но тут ему приснился беззвучный чей-то крик,
Проснувшись, он вскочил, как тот, что ему снился.
И адское сиянье, и дым вокруг, и рёв, что в уши доносился,
Звуча, как водопад, что рядом вниз упал,
Рахеро встал, качаясь, но разум ещё спал.
Тут пламя на ветру размашистым ударом
Ударило о крышу, сметя ей край пожаром.
Высокий холл и пир, его народ лежал, –
Он взглядом охватил, но в дыме потерял.
И разум в тот момент кристально ясным стал,
И, горло не жалея, он тут же закричал.
Как паруса гремят от шквала урагана,
Так он гремел: «Дождь! Ветер! – слова для сбора клана. – <14>
Подъём! Вайау, к оружию!» Но тишина в ответ,
И только рёв пожара, – живых уж рядом нет.

Он наклонился, шупая. Женщин своих нашёл,
Но дым пожара с кавой их жизнь уже увёл,
Ничком лежат. Его рука коснулась пацана,
И озарилась вдруг душа, надеждою полна:
«Спаси его ещё могу! Быстрее!» – себе сказал.
И, сняв повязку с бёдер, ребёнка спеленал,
Надев на шею, свёрток он завязал узлом.

А там, где крыша рухнула, как ад, ревел пролом.
Туда бежал Рахеро через людей завал,
Он по столбу подпорки в дыму взбираться стал:
Последние Вайау – отец с сынишкой малым,
А столб, уже занявшись, светился углем алым,
Кусая его плоть, и руки-ноги рая,
И жгя его глаза, и мозг его дурманя.
А он, чрез боль взбираясь, всё поднимался выше,
Сквозь пламя протянулся и был уже на крыше.
Но тут же ветер жаром и болью облетел
И, пламенем его обдав, на нём тряпицу съел.
Дитя едва живое упало вниз – в костёр.

Вокруг пожара пира враги несли дозор:
С оружием наготове, никто чтоб не сбежал,
И каждый голову тянул и брови прикрывал.

И лишь с подветра тот огонь так далеко пылал,
Что загорелись уж леса, никто там не стоял.
Туда Рахеро, устремясь, с карниза соскочил
И, по земле ползя ничком, в тройном прикрытии был:
Гниющих листьев, и огня, и дыма покрывала, –
Невидима врагам душа себя во тьме спасала.
А сзади, дымной печью коптя весь небосвод,
Повержен, жжёной костью лежал его народ.
Сперва бежал бесцельно, потом прибой услышал,
Туда свой путь направив, на побережье вышел.
Глаза были сухими, хоть и в ожогах тело,
Сильнее, чем от боли, от гнева всё горело.
«Ах, дураки Вайау! – печально он кричал. –
Обжоры свинорылые! Ну кто вас туда звал?
Те, с кем я рос, кого кормил и кто меня кормил,
Хоть я – ничтожнейший из всех, но всех я пережил!
Себя считавший хитрецом в ловушке очутился,
И в этом адовом огне я всех родных лишился:
Моих друзей, моих отцов, седоголовых старцев –
Совета клана мудрецов, детишек-оборванцев –
Невинной радости отцов, моей жены, и дочери,
И шалунишки-сорванца – любимого сыночка,
Ему уж больше не шалить!»

И так во тьме ночной
(Уж накатили облака, луну прикрыв собой)
Он бушевал на берегу, слонялся, кулаки терзал
И собирался отомстить. Но срок той мести не настал,
Сначала нужно жизнь спасти из жуткого похода,
Как корень для возмездия, последний из народа,
Затем народ свой возродить, в земле чтоб расселился, –
Рационален, как всегда, и в ярости не сбился, –
Чтоб самому теперь спастись и после не пропасть, –
Сперва бы лодку захватить и женщину украсть.
Лагуна всё ещё темна, но за стеной коралловой
Он видел блеск высоких волн и слышал их паденья вой.
Один на рифе человек, при факеле в руке одной,
Идёт и смотрит, вдруг замрёт с уж занесённой острой.
Очередной удар волны ему нёс пену до колен,
И с факела под ветра шквал завесой искр ссыпался тлен.
В лагуны тёмной глубине каноэ-лодочка ждала,
С фигуркой мелкой на борту, – наверно, рыбака жена.
И улыбнулся, видя их, Рахеро, мускулы размял,
Он без оружия был, гол, в ожогах и крови стоял,
Но, плечи развернув свои и приняв воздуха глоток,
В себе уверен, как всегда, – уж рыбака на смерть обрэк.

Спокойно в воду он вошёл, подплыл беззвучно и легко
Туда, где тот рыбак шагал, сжимая факел высоко.

И шумно о тот рифа пирс крушились волны в пену,
Рахеро крался со спины по рифу на коленях,
И, прыгнув вдруг на рыбака, рукой «обнял» за шею,
Другую – факел подхватил, ронять его не смея,
Пока тот не успел упасть, и высоко держал.
Силён и смел был тот рыбак и вмиг соображал,
Напрягся он изо всех сил, – Рахеро устоял,
И дернулся, и шею сжал, и с хрустом поломал,
И человек обмяк в руках и в ноги комом пал.

В один лишь миг на рифе том, что пеною вскипал,
Стоял Рахеро одинок, и гол, и обожжён,
Но победителем держал в руке фонарь зажжён.
И только миг передохнув, стал рыбу он ловить
Как человек, чья цель стоит – лишь дом свой прокормить.
Что женщине увидеть той? – Мужчина с факелом стоит,
Моргнёт, – мужчина там же, и факел с ним горит.
Огонь трясётся иногда. «Конечно, – он сказал, –
Она, коль видела чего, решит, что глаз устал,
И нужно время только дать – себя ей убедить».
И так усердным рыбаком он продолжал бродить,
Замрёт на время, острой ударит риф, стараясь,
Потом призывный крик издал, и лодка приближалась,
И факел в море бросил он, мол, завершил он дело.

И в лодку, что уж рядом с ним, забрался очень смело.
Она, подвинувшись, дала и место, и весло,
Приняв его за своего, так было там темно.
Рахеро принялся грести, и слова не сказав.
Запела лодка по воде, силу гребца познав.
Она спросила: «Что с тобой? Фонарь не мог сберечь?
Теперь придётся у земли ещё один зажечь».
В ответ Рахеро, промолчав, каноэ ускорял.
Она же: «Атта! Говори! Чего ты замолчал?
Ну говори же! Почему? И правишь ты куда?
Зачем нам в море? В глубину?» – кричала уж тогда.
Ни слова не было в ответ, – трудился загребной,
Туда, где рифа был пролом, гнал лодку, как шальной,
И, удалым размахом рук закалывав волну,
Её-малышку увозил он в бездны глубину.
И страх ту женщину объял и в камень обращал:
Не оттого, что глупый чёлн в пучину путь держал,
А потому, что в жуткий час узнала ужас ночи,
Тот, что каноэ вдруг погнал с нечеловечьей мощью,
Имея удаль мертвецов. Легенды вспоминались,
Что те на рифах, меж людей, как призраки, являлись
И похищали рыбаков, забрав их лодки, снасти,
До часа, пока их звезда закончит то несчастье, <15>
И станет слышен утра бриз и песни петухов,

И твёрдо верила она: молчун – из мертвецов. <16>

Всю ночь дул южный ветер, Рахеро, с ним борясь,
Всё гнал каноэ в море. А женщина, трясясь,
Сидела молча, как спала. Но вот заря настала.
Высокой длинною грядой слева земля стояла,
Над пиками Тайарапу взметнулись солнца стрелы,
И враз все птицы берегов песнь радости запели:
Час привиденьям на земле в могилы уж вернуться.
Она же, храбрость всю собрав, решила обернуться,
И, повернувшись на него, в лицо ему взидала:
Он – точно не из их земель, она таких не знала,
Сидел он гол и обожжён, в отметках ночи злой,
Но был он статен и красив, приятен для любой.

Смотрел Рахеро на неё, и хмурым взгляд был тот,
Решал: достойна ли она родить ему народ.
И плечи вроде широки, обилен торс и таз,
И грудь высокая стоит, и ярок смелый глаз.
«Женщина, – так сказал он, – люди твоей земли
Всех взрослых и всех их детей – весь мой народ сожгли,
Сделав коварно дело. Спасся лишь я – силач.
Теперь в безлюдные земли, где детский не слышен плач,
Вместе с тобой плывём мы и будем их обживать.
Предрешено давно всё, – ещё не жила твоя мать:
Мужу – пасть в тщетной битве, сломленным этой рукой,
Тебе – быть со всем разлучённой, со всем, любимым тобой:
С местами, с людьми и домом, с кланом, с роднёй твоей, –
Рожать в одиноких землях безродному мне детей».

Примечания к «Песне Рахеро»

Введение. – Эту сказку, в которой я сознательно не изменил ни одной детали, я получил из предания. Она очень популярна по всей стране восьми Тева, клана, к которому принадлежал Рахеро, и особенно в Тайарапу, наветренном полуострове Таити, где он жил. Я слышал от конца до конца две версии, и целых пять разных людей помогали мне с деталями. Кажется, нет никаких причин, по которым сказка не должна быть правдой²⁴.

<1> «Айто» – как бы рыцарь или храбрец²⁵. Владеющий каким-то оружием, странствовал по стране, бросая вызов именитым соперникам и участвуя в местных поединках. Естественным путем его продвижения было – наконец быть нанятым вождём или королём, и тогда в его обязанности входило предавать смерти назначенную жертву. Указывалась одна из обреченных семей; айто брал своё оружие и выступал один; немного позади него следовали носильщики с жертвенной корзиной. Иногда жертва вступала в бой, иногда побеждала, чаще, без сомнения, была повержена. Но какое бы тело ни было найдено, носильщики равнодушно брались за своё дело.

<2> «Пай», «Хоно-ура» и «Ахупу» – легендарные люди Таити, все выходцы из Тайарапу. О первых двух я собрал единичные, хотя и неполные легенды, которые, надеюсь, скоро изложу публике в другом месте²⁶. Об Ахупу, за исключением отрывков из песен, осталось мало воспоминаний. Ясно, по крайней мере, что она жила около Тепари²⁷ – «морских утесов», – восточной твердыне острова; ходила по горам известными только ей тропами; за ней пытались ухаживать опасные кавалеры, приплывавшие с соседних островов, а защищали и спасали от них (как я понял) верные ей местные рыбы²⁸. Мое желание узнать побольше об «Ахупу вехине»²⁹ стало (во время моего пребывания в Тайарапу) причиной некоторого отвращения среди этих веселых людей, местных жителей.

<3> «Копал печь». Огонь разводят в яме в земле, а затем закапывают³⁰.

<4> «Мухи». Возможно, это анахронизм. Даже говоря о сегодняшнем дне Таити, эту фразу следует понимать как относящуюся в основном к комарам, и они встречаются только в обводненных долинах с густыми лесами, которые, как я полагаю, образуют окрестности

²⁴ Стивенсон здесь немножко лукавит по поводу первоисточности деталей. Как можно не изменить ни одной детали, если исходно было две разные версии произошедшего? Как минимум, далее он сам же сознаётся, что заменил имя короля Намуну-ура и необоснованно распространил на это племя принципы организации Тева, а по поводу запутанности с дислокацией земель Вайау уже упоминалось. Но это можно простить автору, ведь он не располагал ни Интернетом, ни спутниковыми картами, и в силу своего болезненного состояния даже не мог себе позволить объехать весь остров лично. В любом случае, его роль как собирателя и популяризатора наследия островного фольклора Полинезии остается бесценной.

²⁵ Также «айто» на Таити называют железное дерево, *Casuarina equisetifolia*, из которого делались все виды оружия таитянских воинов до прихода на остров европейцев.

²⁶ Бен Финни (Ben Finney) в своей статье «Таитянские стихи Роберта Льюиса Стивенсона», вышедшей в 1964 году, отмечает, что легенды о Пайе и Хоно-уре были опубликованы Стивенсоном в 1892 году в одном из лондонских журналов под заголовком «Две таитянские легенды». Оригинальный текст этих произведений для их перевода мне найти не удалось. Известно, что они были в прозе и весьма короткими. Интересующийся читатель может во второй части этой книги ознакомиться с поэмами об этих легендарных героях Таити в моём исполнении.

²⁷ Тепари (Te Pari) – гористая местность на самом восточном крае Тайарапу, практически непроходимая.

²⁸ Что касается легенды об Ахупу, то, похоже, более менее детальное её содержание действительно кануло в Лету. Но во второй части этой книги я смею предложить читателю поэму про историю происхождения названия деревни Теахупуо, о другой девушке, надеюсь, она покажется не менее интересной.

²⁹ В оригинальном издании здесь «*Ahuri vahine*», но правильно будет «*Ahuri vahine*». «*Vahine*» – по-таитянски означает «женщина». Почерк Стивенсона не отличался читаемостью. Возможно, это результат ошибки наборщика и незнания материала корректором.

³⁰ Закапывалась «печь» уже после того, как дрова прогорали до углей, а сверху клался запекаемый продукт, завернутый в листья деревьев. Таким образом таитяне устраивали подобие духового шкафа.

усадьбы Рахеро. В четверти мили отсюда, где воздух свободно движется, вы вряд ли найдёте и одного.

<5> «Крючок» из раковины жемчужницы. Ловля на блестящий крючок и при помощи остроги, по-видимому, являются любимыми местными методами³¹.

<6> «Листья» – таитянские тарелки.

<7> «Йоттовы» («yottowas»)³², так написано для удобства произношения, это как бы таксмены шотландских нагорий³³. Организация восьми подокругов и восьми йоттова в каждом относилась к структуре, которая использовалась (до недавних дней) среди Тева, и которую я безо всяких полномочий приписал следующему клану далее.

<8> «Омаре». Произносится дактилически³⁴. Утяжелённая булава – один из двух любимых видов оружия таитянских храбрецов; дротик или метательное копье – был другим.

<9> «Ленты света». Всё ещё наблюдаются (и слышатся) на Таити их кружения от одного мараэ³⁵ к другому; или я наблюдал их как свидетельства того, что повеселит Психическое общество³⁶.

<10> «Намуну-ура». Полное название – Намуну-ура тэ аропа (Namunu-ura te aropa). Я не могу понять, почему это следует произносить дактиллически (как «нАмуну»), но я так слышал это всегда. Этот клан находился сразу за Тева, которые занимали южные побережья острова. На момент повествования клановая организация должна была быть очень слабой. Нет особого упоминания о том, что мать Таматеа посещала селение Папара, главного вождя ее собственного клана, что могло бы показаться естественным выходом для неё. С другой стороны, она, кажется, посетила различных меньших вождей среди кланов Тева, и те отказали ей исключительно из-за опасности предприятия. Таким образом, проведенное здесь кардинальное различие между Натева и Намуну-ура не является анахроничным.

<11> «Король Хиопа». На самом деле, Хиопа – было имя короля (вождя) Вайау; но я так и не смог выучить имя короля из Паэа, которое произносится, рифмуясь на индийский манер: «-ая», – поэтому я задействовал это имя там, где оно было наиболее необходимо. Это замечание, должно быть, покажется абсолютно бестолковым для читателей, которые никогда не слышали ни об одном из этих двух достойных мужей; и, возможно, есть только один человек в

³¹ Некоторые источники сообщают также об ещё одном способе изготовления крючков для рыбной ловли. Молодые, ещё мягкие побеги железного дерева закручивались в желаемую форму и фиксировались. После того, как эти побеги со временем затвердевали до «железного» состояния, они отрубались или отжигались на необходимой длине и обтачивались камнями. Согласитесь, неплохо придумано для человека «из каменного века».

³² На самом деле, те, кого Стивенсон именует «йоттовы» (yottowa), по таитянски называются «йатоаи» (‘Īato‘ai) – это ближайший круг вождя, одновременно советники, помощники, наместники и командиры подразделений. Как пишет и Стивенсон, у Тева исторически сложилась восьмеричная иерархия управления: восемь племён со своими вождями, у каждого по восемь йатоаи. Если считать, что в указанная автором полная численность племени Вайау в примерно восемьсот человек верна, то можно прикинуть, что в подчинении у каждого йатоаи Вайау был примерно современный взвод мужчин-бойцов и придаваемые в нагрузку к ним семьи.

³³ Раз уж Стивенсон сравнивает йатоаи с шотландскими таксменами, то следует рассказать русскоговорящему читателю (наверняка не знакомому с особенностями политэкономического уклада феодальной Шотландии) и о них: таксмены – шотландское сословие безземельных, но приближённых к землевладельцу (лорду), которые, платя ренту (таксу) за распоряжение землями, сдавали её в субаренду простолюдинам. Как правило, это были родственники землевладельцев, хотя и не всегда. Они занимали промежуточное положение в шотландских кланах между знатью и простолюдинами. В мирное время они отвечали за экономическое развитие и хозяйствование на землях клана и осуществляли сбор податей, а в военное – выступали в роли командиров нижнего звена.

³⁴ Дактилически – то есть с ударением на первый слог.

³⁵ Мараэ – священное место в дохристианской полинезийской культуре, синоним храма или каплица. Разные мараэ были обустроены по-разному: иногда это была просто прямоугольная расчищенная от растений площадка, иногда она «огораживалась» по углам и периметру каменными столбами, небольшими стенами и изваяниями богов, чаще на площадке возводились строения для сакральных собраний и служб, эти строения могли быть разных размеров и строиться из разных материалов. Самые «великие» мараэ могли похвастать сооружёнными из камней пирамидами, в которых хранились многовековые плоды жертвоприношений.

³⁶ Психическое общество – здесь это профессиональная организация психиатров Великобритании.

мире, способный прочесть мои стихи и сразу заметить неточность. Для него, для мистера Тати Салмона, потомственного верховного вождя Тева³⁷, исключительно и написано это замечание как небольшое почтение от члена клана своему вождю³⁸.

<12> «Объявим свиней тапу». Невозможно объяснить тапу в примечании; у нас это означает английское слово «табу». Достаточно сказать, что к объявленной тапу вещи нельзя прикасаться, а такое место нельзя посещать.

<13> «Рыба – объедение». На таитянском языке есть специальное слово, означающее желание поесть рыбы. Могу заметить, что в этом месте – одна из моих главных трудностей по поводу всей истории. Как король, простые люди, женщины и вообще все собрались вместе на этот пир? Но это никого из моих многочисленных источников не беспокоило; так что этому определённому должно быть какое-то естественное объяснение.

<14> «Слова для сбора клана».

Teva te ua,
Teva te matai!

Тева – ветер,
Тева – дождь!³⁹

<15> и <16> «Звезда мертвецов» – Венера как утренняя звезда. Я собрал много любопытных свидетельств этого верования. Мёртвые сохраняют свой вкус к рыбной диете, вступают в партнёрские отношения с живыми рыбаками и часто посещают рифы и лагуну. К выводу, приписываемому безымянной даме из легенды, и сегодня при аналогичных обстоятельствах пришли бы девяносто процентов полинезийцев; причём здесь я, наверное, занижаю свою оценку на одну десятую.

³⁷ Мистер Тати Салмон и его сестра – королева Марау Таароа из Папары, наряду с их старшей сестрой Моэтия (которую Стивенсон называл не иначе как «принцесса Моэ» и которой, возможно, обязан был продлением своей жизни) и вождём Ори-а-Ори из Таутиры составляли круг близких друзей Стивенсона на Таити, от которых он и получал большинство сведений о таитянских легендах. Историю семьи Салмонов вы можете узнать, прочитав мой очерк во второй части этой книги.

³⁸ Пройдя через церемонию «уз дружбы» с Ори-а-Ори и приняв имя Тери-и-Тера, Стивенсон стал считать себя членом племени Тева. Главой Тева в то время была королева Марау Таароа. Она поддержала Стивенсона в этом желании и приняла его в Тева. В этом примечании Стивенсон ещё раз обращает внимание на этот факт.

³⁹ Так у Стивенсона, но на самом деле клич звучит наоборот, т. е. по-таитянски «иа» – «дождь», а «matai» – «ветер».

Пир голода: Маркизские обычаи⁴⁰

І. Бдение жреца

Во племени владеньях ни рыбки, ни плода,
И яма для попоя стоит пустым пуста. <1>
И кланы, те, что слева и справа что стоят,
Дубины навощили, кинжалы их блестят.
Они их взяли в чашу, где темень даже днём,
И залегли в засаде, – глаза горят огнём.
И часто песня утра, хоть звёзд стоит покров,
И дым печей несётся из логова врагов.
Ведь часто те, что любят и ждут домой сердца,
Не встретят уже к ночи с охоты молодца.
Тогда болеть их детям, и жёнам угасать,
И рук могучих воинов войне уж не познать.
И стихли барабаны, и плясок нету босых,
И на жреца все взоры при встрече стали косы.
Тот жрец был уж немолод, его глаза красны <2>
И не боялись мёртвых и призраков из тьмы.
Он знал все песни, даты, что было и когда,
И на груди (ценою в вождя дом) борода.
Он жил в высоком доме над рокотом прибоя,
Где на террасе тики хранили дверь собою. <3>
Внутри были богатства, – он хорошо служил, –
Как раковину, дом тот прибоя шум полнил.
Народ без его знака неделями страдал,
Но вот он – на террасе. Сел и к богам воззвал.
И так, присев средь тики на пол вощённый там,
Как попугай, он вперил взгляд красный в океан.

На гору жёлтой серой уже скакал рассвет:
Из-за морских пределов шёл утра самоцвет,
Из-за морских пределов уж отсвет солнца звал,
Но в глубине долины ещё день не настал,
Когда древесный сумрак стал голубеть зарёй,
И племя, уж проснувшись, пошло омыть лик свой,
Пошла молва в округе, звук шёпотом начав,
Надеждой грудь сжимая и страхом застучав:
«Жрец с нами не поднялся, – закрыта его дверь!
Он назовёт нам жертвы, поможет нам теперь».

⁴⁰ «THE FEAST OF FAMINE: MARQUESAN MANNERS.» Написана в 1888 году. Издана впервые в 1890 году в сборнике «Баллады». В названии Стивенсон перефразирует английскую поговорку «either feast or famine» (дословно «то пир, то голод»), что наиболее близко передаётся по-русски как «то густо, то пусто». Маркизские острова – архипелаг в Тихом океане, часть современной Французской Полинезии, одно из наиболее удалённых от всех континентов и труднодоступных мест на Земле.

Всходило солнце трижды⁴¹, но снова, как мертвец,
В доме с рокотом моря лежал одиноко жрец,
Не слышно ни шага, ни звука, не шепчет никто, не кричит,
Только слепые тики на слЕпящий пялились вид.
И вот снова утром на гору полез, разгораясь, пал,
И спали ещё все дома, но жрец в своём доме не спал,
Прикрыты крышами, лёжа, едва колышутся люди,
А старый жрец красноглазый забегом безумным будит.
Подорвалась вся деревня, увидеть его опять
В предсмертных седин украшении, что всем только лишь мечтать.
И бешено дёргались члены, безумно сиял его глаз,
Звенела долина от бега и криков его много раз.

Весь день он так и бегал от джунглей и до скал
Безумными кругами, про плоть людей взывал.
Весь день ничего не ел он, ручья воды не пил.
Весь день по домам все люди сидели, и страх их бил.
Весь день они тихо внимали, дыхание скрыв от других,
Никто не осмелился выйти, ведь смертью был жрец для них.

Три дня подряд он бегал, как боги предрекли,
Две ночи спал в том месте, где кровь в их честь лили,
И дважды сон безумья он пил до дна хмельного
На тех камнях священных, в тени листа святого.
Над его пепельным лицом всю ночь факел горел,
И ветер в месте торжества баньяном⁴² шелестел.
И вот на древо и алтарь стал вечер наступать,
И остров высотой своей стал море затенять,
И мускус с маной разлился по всей долине той,
И, что осталось от жреца, во тьме пошло домой:
Он плёлся по деревне, шатаясь при ходьбе,
Протиснувшись сквозь тики, на ощупь вполз к себе.

И зашуршали хижины, в них голоса проснулись,
И вновь домашние костры дым в небеса взметнули,
И те, кто был могуч в войне и в ремесле подстать,
Засели на свои места, о завтра рассуждать.

II. Любовники

⁴¹ Стивенсон передаёт «балладный дух» в своём произведении, используя несколько общеизвестных приёмов, например, повторяя начала строк или многократно описывая одинаковые явления природы: рассвет, ветер, море, водопад. К таким же приёмам относится и упоминание «магических чисел». Здесь такое число – тройка, жрец три дня уединяется, а потом три дня демонстрирует себя. Внимательный читатель заметит, что это не единственное «магическое число» в этой балладе.

⁴² Баньян – особая жизненная форма растений семейства фикусовых. Для её образования фикус «прорастает» в стволе и ветвях другого дерева или нескольких деревьев. В результате образуется единый организм с причудливыми формами ствола и множеством воздушных корней, свисающих с ветвей. Такое дерево может разрастаться до очень больших форм, и у многих народов Азии и Океании почитается как священное.

Слышь! Далеко в лесу (любви ведь ушки чутки)
До однострунной арфы коснулись мягко руки. <4>
С чего бы в доме у отца Тахее вдруг привстать?
Тахее, чьё нежное сердце, чью гущу волос не объять,
Тахее, чьё статное тело любви несёт экстаз,
И ловкие ноги оленя, и голубя зоркий глаз?
Хитро и тихо, как кошка, в лице ничего не сменив,
Скользнула Тахея к двери, в пространство снаружи уплыв.
Гуляет, замрёт, зрит на звёзды и, морю внимая, стоит,
Потом вдруг скакнёт, словно кошка, скрывая в деревьях свой вид,
Бежит она быстро, как кошка, вздымая наряд высоко,
Прыжками своих ловких ножек сквозь тьму пробираясь легко,
Сквозь мягкость и колкость чащоб свой путь без труда выбирая,
И всё приближается звук, к которому сердце вызывает.
И вот уж полянка в лесу, что скалы горы укрывают,
И брошена арфа лежит, и руки любви обнимают.
«О, Руа!» – «Тахея моя!» – «Любовь моя». – «Милые глазки».
И сброшено платье, и вновь слышны поцелуи и ласки:
«О, Руа!» – «Тахея, душа!» – «Звезда моих тёмных ночей». –
«Весна моего наслажденья». – «Люби же меня посильней».
И Руа в объятьях зажал, и руки Тахеи обвились,
И связаны узы любви, и песни любви доносились:
*Ночь, что на пальмах лежит,
Ночь звёздами полна,
Ночь, когда ветер дует,
Ночь, где любовь одна.*

«Тахея, что ж мы натворили, каких мы наделали дел?
Видать, боги нас ослепили, раз разум мешать нам не смел.
Зачем твой ничтожный любовник коснулся подола рукой?
Тахея – само благородство, а Руа презренный такой...»

«На троне своём с хака-ики⁴³ отец высоко восседает,
Сородичи десятикратно при входе его прославляют,
Сплошь тело его боевое, лицо его – всё украшают
Достойные татуировки, о месте высоком вещая.
Я тоже сжимаюсь мимозой и блею ягнёнком последним,
Отдавись искусным рукам в строеньи из пальмы священном, <5>
И тело уж наполовину украшено знаками власти –
Сплетениями синих линий, но лишь для твоей только страсти.
Люби меня, Руа любимый, ведь нету границ для любви,
И тело Тахеи в узорах сжимать будет ноги твои».
«Тахея, о песнь моих зорек, но сколько любовь проживёт?
И стоны, и наши объятья, как эта звезда, упадёт!

⁴³ Хака-ики (или просто «хака») – вероятно, имеется в виду церемониальный воинственный танец полинезийцев и маори. Такой танец, в частности, являлся (и является) традиционной формой приветствия гостей. А поскольку намерения гостей априори воспринимались как неясные и скорее враждебные, то главной целью танца является устрашение и демонстрация готовности к бою. Он часто исполняется с оружием и в качестве визитной карточки имеет «ужасные» выражения искажённых лиц танцующих, с выпученными глазами и высунутыми языками.

Всегда, как и неба синь утром сменяется в ночь темнотой,
Всегда, словно ловкий охотник, смерть следом идёт вслед за мной.
Ты слышишь, моя дорогая, наавтра очнувшийся жрец
Нам жертв имена назовёт, чтоб гневу богов был конец.
И первый в том списке кровавом, чья участь тот день не прожить, –
Безродный, презренный твой Руа, по ком никому слёз не лить.
Ему будут бить барабаны, ему будет песня звучать,
Ему перед толпами прочих священный алтарь окровлять,
Ему над дымящейся печью, как зверю, безмолвный конец,
Ему не насытиться пиром, где правит Тахеи отец».

«О, Руа, пожалуйста, тише! Тахеи ушей пожалей
И сжался над любящим сердцем любимой девчонки своей!
Беги от жестокости дикой, беги от ножа и угля,
Сокрой своё тело средь джунглей, о, Руа, – душа ты моя!»

«Куда бежать, Тахея? Одна везде земля.
Везде кровавой кухней одна судьба моя.
Со всех сторон наш остров мне точит острый зуб,
Глаза ждут на деревьях, в кустах их руки ждут,
Коварство ждёт в засаде, а хитрость рыщет следом,
Врагам добычей стану, друзьям своим – обедом».
«Любовь моя, мой Руа, я вижу всё ясней
И не позволю смерти забрать любви моей.
Там, где гора обрывом свисает над долиной,
Там есть провал глубокий в горе рядом с вершиной,
Там солнца луч лишь в полдень и только дождь идёт,
И никогда охотник тебя там не найдёт,
Звучат там только птицы, других там звуков нет,
Для смерти из долины наложен там запрет.
Тапу⁴⁴ зовут то место, нас боги извинят,
Тапу, и что с того? Для смелых нет преград.
Тапу, тапу, тапу! Я знаю, где укрыться!
Хоть и темно то место, там можно затаиться.
Укройся там, мой Руа, в жутких богов руках,
Засни в тени деревьев на мягкой ткани трав,
Увидь во сне Тахею, она тебя разбудит,
Коль ветер будет дуть, роса садиться будет,
Придёт она с любовью одна сквозь ночи страх, <б>
Тахея принесётся голубкой в небесах».

«Тахея, яма ночи полным-полна коварства,
То духов злых былого полуночное царство,
Там души мертвецов из сумрака ночного,

⁴⁴ Стивенсон не поясняет здесь значение слова, считая, что читатель запомнил его после прочтения «Песни Рахеро». Тапу – полинезийская концепция, основанная на строжайшем запрете. На Гавайях известна также под именем «капу». Была завезена в Европу капитаном Джеймсом Куком после посещения им островов Тихого океана в 1777 году и известна нам под именем «табу». Тапу, в широком смысле, может быть объявлено всё что угодно. В данном случае, это запрет на посещение некоего места – обиталища духов смерти. Полинезийцы верят, что нарушившего тапу неминуемо ждёт скорая гибель.

Они за гранью зла, враги всего живого».
«Мой Руа, поцелуй меня, пусть взор глаза читает,
Неужто я та девушка, что милого бросает?
Храбрец средь дней любых, отец мой, битвой правит,
Так пусть его дитя себя в ночи прославит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.